
А. В. Сиренов

СВЯТОЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР КАК КРЕСТИТЕЛЬ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ: НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ «МЕСТО ПАМЯТИ»

Для исторической памяти большинства христианских стран исключительно важное значение имеет фигура «крестителя» – чаще правителя или церковного иерарха, через которого на некогда языческие земли пришло христианство, во многом определившее перспективы их развития, причем не только религиозные, но и политические, экономические, культурные, а креститель стал для них важным «местом памяти».

Фигура киевского князя Владимира Святославича исключительно важна для русской и украинской культур, для исторического самосознания этих общностей и в Средневековье, и в Новое и Новейшее время. Принятие Русью христианства в 988 г. в правление князя Владимира кардинально повлияло на формирование менталитета восточных славян, сплотив их также в политическом и экономическом отношении.

Историческая память о князе Владимире актуальна и в настоящее время. Особенно ярко это проявилось в последние годы в связи с установкой памятников князю Владимиру-крестителю Руси в Москве и ряде других городов Российской Федерации, а также с неоднозначным отношением к этой акции российского и украинского обществ.

Почитание князя Владимира Киевского и его роль в истории русской культуры неоднократно становились объектом исследования¹.

---

¹ Korpela J. Prince, Saint and Apostle: Prince Vladimir Svjatoslavič of Kiev, his Posthumous Life, and the Religious Legitimization of the Russian Great Power. Wiesbaden, 2001. P. 173–210; Butler F. Enlightener of Rus: The Image of Vladimir Svjatoslavich Across the Centuries. Bloomington, 2002; *Погосян Е. В.* Князь Владимир в русской официальной культуре начала правления Елизаветы

При этом нельзя не отметить, что фигура князя Владимира в исторической памяти России и Украины в разные периоды уступала по своему значению другим историческим деятелям Средневековья, например: в России – Александру Невскому, а в Украине – Борису и Глебу. Даже в имперское время налицо восприятие этого князя как фигуры «второго плана». Так, орден св. Владимира в Российской империи был учрежден только в 1782 г., в орденской иерархии он занял четвертое место после орденов Андрея Первозванного, Александра Невского и Георгия Победоносца. Орденом св. Владимира награждали, как правило, гражданских чиновников или офицеров «за выслугу лет»². К началу XX в. награждения орденом св. Владимира стали массовыми, что приблизило его к низшим орденам – св. Анны и св. Станислава. В императорской семье именем Владимир никогда не называли предполагаемого наследника престола, но это имя давали отпрыскам боковых ветвей августейшей фамилии (например, младшему сыну Александра II Владимиру Александровичу, а также внуку последнего – Владимиру Кирилловичу). Популярным имя Владимир в XIX в. стало в среде чиновничества и разночинной интеллигенции.

В научной литературе объяснений этому мы не встретим. Как правило, исследователи описывают разные формы почитания святого князя, а также памятники, в которых это почитание отразилось³.

В домонгольское время князя Владимира и княгиню Ольгу почитали как крестителей Руси и сопоставляли с другой парой равноапостольных святых – крестителями Византии Константином и Еленой. Владимир как новый Константин представлен в гимнографических текстах того времени⁴. Однако ни одного храма св. Владимира мы не знаем на всей территории Древней Руси.

Самый ранний из известных храмов св. Владимира был возведен в новгородском детинце в 1311 г. Это была небольшая каменная церковь над воротами детинца, ведущими в Неревский конец, где располагался архиепископский двор. В настоящее время от нее остались руины, однако в начале XIV в. возведение в Новгороде каменного храма, посвященного крестителю Руси, несомненно, имело

Петровны // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. V (Новая серия). Тарту, 2005. С. 11–36 и др.

² Исторический очерк российских орденов и сборник основных орденских статутов / сост. И. И. Воронцов-Дашков. СПб., 1891. С. 272.

³ См., напр.: *Абраменко Н. М.* Образы святых князей Владимира, Бориса и Глеба в русском искусстве второй половины XV–XVII веков: Дис. ... канд. искусствоведения. М., 2013.

⁴ *Славнитский М.* Канонизация св. князя Владимира и службы ему по спискам XIII–XVII вв. с приложением двух неизданных служб по рукописям XII и XVI вв. // Странник. 1888. Май–август. С. 197–238.

свои основания. В Новгородской I летописи это событие помещено под 6818 (1310) г. и изложено в краткой форме: «Того же лета архиепископ Давыд постави церковь камену на воротех от Неревьского конца святого Володимира»⁵. В младшем изводе названной летописи это известие было распространено: архиепископ Давыд назван боголюбивым, а князь Владимир – благоверным, прибавлены его крестильное имя Василий и факт крещения им Русской земли⁶.

В XIV в. целый ряд русских удельных князей носили имя Владимир (из них наиболее известен герой Куликовской битвы Владимир Андреевич Серпуховской). Однако здесь следует видеть, скорее, продолжение княжеской именованной традиции предшествующего времени, чем особенный интерес к фигуре св. князя Владимира. Гораздо важнее то обстоятельство, что своего старшего сына, родившегося в 1338 г., назвал Владимиром великий литовский князь Ольгерд. Князь Владимир Ольгердович впоследствии неоднократно занимал киевский престол, т. е. являлся Владимиром Киевским, что само по себе выглядело как политическая манифестация. Однако дальнейшего развития в Великом княжестве Литовском XV–XVI вв. почитание князя Владимира как будто не получило.

В Московском государстве XV в., напротив, внимание к фигуре князя Владимира было повышенным, хотя и проявлялось в весьма своеобразной форме.

Наиболее ранним свидетельством этого следует считать появление церкви св. Владимира в новой загородной резиденции московского великого князя Владимира Дмитриевича. Эта церковь, впоследствии получившая известность как Владимирская церковь «в Старых садах», впервые упоминается в духовной князя Василия Дмитриевича как новопостроенная (точнее, находящаяся на новом княжеском дворе)⁷.

Посвящение церкви на великокняжеском дворе князю Владимиру, на наш взгляд, следует связывать с появлением примерно в это время мифа о крещении князем Владимиром Суздальской земли, который отразился в летописании XV–XVII вв.

Согласно летописному рассказу, после принятия христианства и крещения жителей Киева в 988 г. князь Владимир отправился

⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 93.

⁶ Там же. С. 334.

⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 58. Е. А. Погосян полагает, что эта церковь впервые появляется только в духовной 1423 г., см.: Погосян. Е. А. Князь Владимир в русской официальной культуре начала правления Елизаветы Петровны. С. 20. Однако она упомянута уже в грамоте 1417 г.

в Суздальскую землю и основал город Владимир на Клязьме, ставший через несколько столетий столицей нового государственного образования, которое со временем стало называться Россией. В специальной литературе подробно рассмотрена вероятность и возможные политические последствия Суздальского похода⁸. Имели место споры о том, был ли этот поход в действительности или его придумали летописцы XV в. Причем, что характерно, сторонники подлинности известий о походе настаивают на ключевой роли этого события в истории Древней Руси. Исследователи, правомерно и аргументированно отрицающие реальность Суздальского похода, известия о нем называют вымыслом поздних летописцев и не придают им большого значения. Действительно, миф о Суздальском походе князя Владимира не следует учитывать для реконструкции событий X в. Однако, по нашему мнению, он сыграл видную роль в деле почитания крестителя Руси в Московском государстве XV–XVII вв.

Судьбоносность официального принятия христианства осознавалась уже современниками. Во всяком случае, местное церковное почитание князя Владимира начало формироваться в XI в. На святость князя Владимира указывает уже митрополит Илларион в созданном в середине XI в. «Слове о законе и благодати». В агиографическом ключе написано посвященное Владимиру «Слово» Иакова мниха – памятник также XI в.⁹ К домонгольскому периоду русской истории – ко времени до 1237 г. – исследователи относят появление стихир и канона князю Владимиру, которые свидетельствуют о формировании церковного почитания¹⁰.

Дальнейшие события с разделением земель бывшей Киевской Руси и формированием двух государственных образований, ставших ее наследниками – Великого Московского княжества и Великого княжества Литовского – наложили свой отпечаток и на отношение к памяти о князе Владимире. Особенного внимания заслуживают попытки московских книжников XV в. связать деятельность князя Владимира с предысторией Московского государства.

Впервые князь Владимир Киевский был введен в историю Московской Руси в тексте так называемого Новгородско-Софийского

⁸ Рапов О. М. Русская церковь в IX – первой трети XII вв. Принятие христианства. М., 1988. С. 288–302.

⁹ См. об этом: Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники. СПб., 2008. С. 54–57.

¹⁰ Серегина Н. С. Песнопения русским святым. По материалам рукописной певческой книги XI–XIX вв. «Стихирарь месячный». СПб., 1994. С. 67–71.

свода. Это первая общерусская летопись XV в., в тексте которой систематически соединены известия разных летописных традиций – новгородской, южнорусской (киевское летописание XII в.) и северо-восточной (тверское и московское летописание XIII–XV вв.). Текст свода не дошел до нас в полном виде, он отразился в ряде летописей XV в., прежде всего в Новгородской IV, Софийской I и Новгородской Карамзинской. Как полагают исследователи, именно в последней из этих летописей Новгородско-Софийский свод представлен в наиболее полном виде. Новгородская Карамзинская летопись существует в виде двух летописей, известия в которых охватывают хронологически одну эпоху, но не совпадают, а дополняют друг друга. Если их соединить в один текст, то получится Новгородско-Софийский свод, отразившийся в Софийской I и Новгородской IV летописях (в последней – с прибавлениями новгородских известий). Вторая подборка летописных известий Новгородской Карамзинской летописи, составленная, по аргументированному мнению исследователей, в Москве около 1418–1419 гг.¹¹, начинается с описания событий 988 г. – с даты принятия христианства князем Владимиром. Годовая статья 988 г. включает в себя два известия: о строительстве князем Владимиром церкви святого Георгия в Киеве и об основании князем Владимиром города Владимира на Клязьме: «В лето 6496. Постави Володимир в Киеве 1-ю церковь святого Георгия ноября 26. И пришед ис Киева в Словенскую землю, и постави град во свое имя Володимир, и спом осыпа, и церковь святую Богородицу съборную древяну постави. И вси люди крести рускыя, и наместници»¹². Известие о построении церкви Георгия в Киеве отсутствует в ранних летописях. Однако оно вошло в состав Пролога, причем случилось это, по оценке исследователей, еще в домонгольское время¹³. К XV в. статья об освящении церкви Георгия в Киеве была включена во многие списки Пролога и, соответственно, хорошо известна читателям. Именно из Пролога рассматриваемая статья попала в текст летописи. При этом было сделано одно немаловажное изменение. В Прологе речь идет о строительстве Георгиевской церкви Ярославом

¹¹ Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 93–217; Клосс Б. М. Второе предисловие к изданию 2000 г. // Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. XVI; Гимон Т. В. Сообщение о походе Всеслава Полоцкого на Псков в 1065 г. в летописании XV в. // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV–XVII вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства: сб. трудов международной научной конференции, 19–20 мая 2010 г. Псков, 2011. С. 26–27.

¹² ПСРЛ. Т. 42. СПб., 2002. С. 98.

¹³ См.: Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII – первой трети XV веков. М., 2009. С. 154–163.

Мудрым, который был крещен с именем Георгий¹⁴. Ярослав-Георгий охарактеризован как сын князя Владимира, крестившего Русскую землю. В Новгородско-Софийском своде сказано, что церковь св. Георгия основал князь Владимир, причем это была первая церковь в Киеве¹⁵. На Пролог как источник данного известия указывает точная календарная дата – 26 ноября. Правда, в Прологе идет речь об освящении церкви, а в летописи – о ее построении.

Следующее известие после строительства Георгиевской церкви – об основании города Владимира на Клязьме. Характерно, что в летописях, сохранивших для нас текст Новгородско-Софийского свода, по-разному охарактеризован географический ареал похода князя Владимира. Так, в Новгородской Карамзинской и Новгородской IV летописях сказано, что Владимир двинулся в «Словенскую» землю, а в Софийской I летописи читаем, что поход был осуществлен в «Смоленскую» землю. Эти разночтения свидетельствуют о неустоявшейся традиции. Такого похода в действительности не было, и летописцу следовало его придумать, причем указав направление вымышленного похода по возможности расплывчато. Как Словенская (т. е. Новгородская) земля, так и Смоленская находились довольно далеко от Владимира на Клязьме, но примерно в той же стороне от Киева – северо-восточной. Следовательно, в контексте событий, завершившихся якобы основанием Владимира на Клязьме, поход кн. Владимира на Смоленскую или Новгородскую земли не выглядит абсурдным.

Принимая предположение исследователей о составлении второй подборки Новгородской Карамзинской летописи в Москве в конце второго десятилетия XV в., допустим, что известие о крещении Владимиром Словенской земли было сочинено там же в 1410-е гг., ранее создания Новгородско-Софийского свода. Этот факт, по нашему мнению, следует связывать с первым упоминанием церкви св. Владимира в первой Духовной грамоте московского князя Василия Дмитриевича, которая датируется 1417 г. Таким образом, налицо актуализация фигуры св. князя Владимира в Москве в правление князя

---

¹⁴ «В ть же день святаго мученика Георгия священне церкви его, иже в Киеве пред враты святаыя Софья. Блаженный приснопамятный всея Русьскыя земля князь Ярослав, нареченный в святомь крыщеньи Георгий, сын Володимерь, крестивъшаго землю Руськую, брат же святою мученику Бориса и Глеба, съ възхоте создати сздаи церковь в свое имя святаго Георгия. Да ему же възхоте, то и створи...» (Лосева О. В. Жития русских святых. С. 325).

¹⁵ См. Новгородскую Карамзинскую летопись (ПСРЛ. Т. 42. СПб., 2002. С. 98), Софийскую I летопись (ПСРЛ. Т. 6. М., 2000. Вып. 1. Стб. 105), Новгородскую IV летопись (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915. С. 90).

Василия Дмитриевича. Следующий этап истории мифа о крещении св. князем Владимиром Северо-Восточной Руси – включение этого известия в Новгородско-Софийский свод в составе комплекса летописных статей второй подборки Новгородской Карамзинской летописи. По мнению исследователей, это произошло в 1430–1440-е гг. XV в. Вероятно, на этом этапе или, что вероятнее, несколько позднее, при составлении на основе Новгородско-Софийского свода Софийской I летописи, Словенская земля была изменена на Смоленскую.

Новый этап осмысления похода князя Владимира связан с так называемым Сокращенным летописным сводом. Его относят к 1490-м гг. В Мазуринском виде свода под 6498 (990) г. читаем следующее: «Иде Володимер в Смоленскую землю и тамо крести все те земли, и заложи тамо в свое имя град Володимерь на реце на Клязме, спом осыпа и церковь в немь постави древяну Успение святыа Богородица, и вся люди крести»¹⁶. В Погодинском виде свода, представляющем собой наиболее поздний этап редактирования текста, прибавлено, что поход совершен в Суздальскую землю, в результате чего появилось испорченное чтение: «Иде Володимер в Суздальскую землю в Смоленскую землю»¹⁷. Очевидно, слова «в Суздальскую землю» были написаны редактором на полях, они должны были заменить первоначальное указание на Смоленскую землю. Однако переписчик не понял редакторского замысла и сохранил оба варианта. Благодаря этой ошибке мы знаем, что Суздальская земля в рассматриваемом известии появилась только в конце XV в. Отметим, что в Сокращенном своде изменилась хронология суздальского похода, а вместе с ним и предыдущего известия о постройке Георгиевской церкви в Киеве. Так, строительство Георгиевской церкви здесь отнесено к 6498 (990) г., а суздальский поход – к 6499 (991) г. Исправление топонима – Смоленской земли на Суздальскую – прослеживается и в списке Царского Софийской I летописи, летописном памятнике начала XVI в. В нем текст Софийской I летописи систематически правлен по Сокращенному своду. В частности, первоначальное указание на Смоленскую землю здесь звучит применительно к Суздальской земле. Из списка Царского Софийской I летописи данное известие без изменений попало в Воскресенскую летопись.

Существенную корректировку рассказ о суздальском походе претерпел в Никоновской летописи, составленной в 1520-е гг. по инициативе и при личном участии митрополита Даниила, выдающегося церковного писателя и полемиста. Митрополит Даниил и его помощники

¹⁶ ПСРЛ. Т. 27. М.; Л., 1962. С. 314.

¹⁷ Там же. С. 215.

проделали весьма объемную и трудоемкую работу, сведя в единый кодекс известия разных летописей и создав, таким образом, грандиозный компендиум сведений о русской истории. Однако они не ограничились только компиляцией. В тексте Никоновской летописи мы найдем уникальную информацию и не известные другим источникам подробности событий, имевших место в разные периоды древнерусской истории. Историческое сочинительство составителей Никоновской летописи имело ярко выраженную промосковскую окраску.

Известие о суздальском походе в Никоновской летописи сдвинуто еще на один год по сравнению с Сокращенным сводом, который был одним из ее источников. В ней Суздальский поход датирован 6500 (992) г. Краткое летописное известие превратилось в довольно пространный рассказ: «Ходи Володимер в Суздальскую землю и тамо крести всех; бе же с Володимером два епископа Фотеа патриарха. И заложи тамо град в свое имя Володимер на реце на Клязме, и церковь в нем постави древяну Пречистыя Богородицы, и наказуаше люди с епископы Фотея патриарха. И бысть благочестие велие, и сиаше вера христианская яко солнце, и день ото дне напред успеваше. И радовашеся Владимир душою и сердцем, и много имениа убогим и нищим раздаяше, и ставяше по улицам ядение и питание, и хто что хотяше, насыщашеся»¹⁸. Здесь появляется указание на двух епископов, присланных константинопольским патриархом Фотием, а также описание пира, устроенного князем Владимиром для принявших крещение местных жителей. Отметим, что в Никоновской летописи отсутствует сообщение о строительстве киевской церкви св. Георгия. В более ранних летописных текстах это второе вымышленное известие неизменно сопровождало рассказ о Суздальском походе.

В Никоновской летописи Суздальский поход князя Владимира упомянут еще в одном месте – под 6668 (1160) г. – в речи владимирского князя Андрея Боголюбского, адресованной его боярам, с предложением учредить во Владимире отдельную от Киева митрополию: «Град сей Владимирь во имя свое созда святой и блаженный великий князь Владимир, просветивый всю Русскую землю святым крещением, ныне же аз, грешный и недостойный, Божию благодатию и помощью Пречистыя Богородици разьширих и вознесох его наипаче, и церковь в нем создах во имя Пречистыя Богородици святаго и славнаго Ея Успения, и украсих и удоволих именем, и богатством, и властью, и селы, и в торгах десятиа недели, и в житех, и в стадах, и во семь десятое дах Господу Богу и Пречистой Богородице; хошу убо сей град обновити митропольею, да будет сей град великое княжение и глава всем»¹⁹. В речи Андрея Боголюбского,

¹⁸ ПСРЛ. Т. 9. СПб., 1862. С. 64.

¹⁹ Там же. С. 222.

целиком сочиненной авторами Никоновской летописи в XVI в., проводится мысль о столичном статусе Владимира, ведь основал его сам креститель Руси.

Версия Суздальского похода, изложенная в Никоновской летописи, получила большую популярность благодаря тому, что в переработанном виде оказалась включенной в еще один историографический памятник XVI в. – Книгу Степенную царского родословия. Автором этого сочинения является царский духовник, протопоп кремлевского Благовещенского собора Андрей, который после смерти митрополита Макария принял монашество с именем Афанасий и стал в марте 1564 г. следующим главой Русской церкви.

Большая часть жизни Андрея-Афанасия прошла в старинном городе Переславле-Залесском, где его наставником стал известный церковный подвижник игумен Троицкого монастыря Даниил. Особое значение Переславля для царствующей династии было обусловлено тем обстоятельством, что Переславль-Залесское княжество в начале XIV в. стало первым территориальным приобретением московских князей – так сказать, первым шагом к созданию империи московских Рюриковичей. Именно поэтому Переславль с его святынями занимал важное место в придворном обиходе московских царей XVI в. Так, на царских пирах неизменно подавалась «переславская ряпушка» – рыба, которую ловили в Плещеевом озере близ Переславля. Неслучайно и приглашение авторитетного переславского игумена Даниила на крещение первенца московского великого князя Василия III в 1530 г. – будущего Ивана IV. Дальнейшие посещения великим князем Иваном Васильевичем переславских храмов и монастырей, в т. ч. с молениями о рождении наследника, и привели к знакомству царя с деятельным священником древнего переславского Спасо-Преображенского собора Андреем, который в конце 1540-х гг. стал царским духовником и, соответственно, настоятелем придворного Благовещенского собора.

В середине 1550-х гг. Андрей-Афанасий получил важное задание от царя и митрополита Макария – написать житие своего учителя Даниила Переяславского. Войдя во вкус литературной агиографической работы, Андрей-Афанасий после завершения Жития Даниила приступил к написанию другого жития, героем которого должен был стать креститель Руси князь Владимир. Следует отметить, что здесь Андрей-Афанасий не оставался со своей темой один на один. Одновременно с ним над Житием бабки князя Владимира княгини Ольги трудился священник Благовещенского собора Сильвестр, которого современники не без оснований считали наставником молодого царя.

Князя Владимира и княгиню Ольгу еще в домонгольское время называли равноапостольными святыми – крестителями Руси.

Гимнографические тексты, посвященные Владимиру и Ольге, не оставляют сомнений в том, что этих святых действительно уподобляли крестителям Византии Константину и Елене. Таким образом, появившаяся в кругах придворного духовенства идея написать новые редакции Житий Владимира и Ольги не была чем-то новым и оригинальным. Важнее – факт написания такого текста-диптиха в ближайшем окружении Ивана IV, причем в то время, когда московское правительство добивалось от восточных иерархов официального признания царского титула Ивана IV. Церковное почитание крестителей Руси могло рассматриваться как претензия на древнерусское наследство.

Лейтмотивом составленного Сильвестром Жития Ольги является ее происхождение из Пскова. Княгиня Ольга представлена в нем святой покровительницей города Пскова и вписана в московский пантеон, а не киевский или Великого княжества Литовского.

С князем Владимиром дело обстояло иначе. Связать его деятельность с землями Московского государства – задача более трудная. И здесь как нельзя кстати пришелся рассказ Никоновской летописи о Суздальском походе князя Владимира.

Житие Владимира, над которым работал Андрей-Афанасий, по всей видимости, не было завершено. Точнее, автор на каком-то этапе решил продолжить свое повествование и описать в агиографическом ключе все события русской истории. Так появилась Степенная книга. Характерно, что биография князя Владимира занимает в Степенной книге практически пятую часть всего текста. Данное обстоятельство имеет простое объяснение – первоначальным вариантом Степенной книги явилось Житие кн. Владимира.

В Степенной книге говорится о Суздальском походе, и он датирован здесь 6498 (990) г. Эта дата взята из Воскресенской летописи, куда попала из списка Царского Софийской I летописи. Андрей-Афанасий руководствовался методом, заимствованным им у Сильвестра, автора Жития Ольги – привлекать в качестве основных источников Никоновскую и Воскресенскую летописи, сравнивая их известия и выбирая на свой вкус то или иное прочтение источника. В Степенной книге в соответствии с текстом Никоновской летописи указано, что с Владимиром в Суздальскую землю пришли два епископа, присланные от константинопольского патриарха Фотия, которые и обратили в христианство всех местных жителей. Далее повествуется об основании города Владимира и строительстве деревянной Успенской церкви. Пассаж Никоновской летописи об угощениях, выставленных по приказу князя Владимира на улицах города, здесь заменен общими фразами о благотворительности князя Владимира: «И паки в лето 6498 от Киева подвижесе блаженный Владимир шествовати в Суждальскую землю, взем с собою дву

епископов, иже приидоша к нему в Корсунь с митрополитом Михаилом, послани от патриарха Фотиа, и в земли Суждальстей вся люди крестиша. Тамо же и град заложи светел же и красен и в свое имя нарече его Владимирь на реце на Клязме, в нем же и церковь постави деревяную в имя Пречистыя Богоматери честнаго Ея Успения. И толико той град възлюби и украси и почте, яко паче всех град русьских того имени повсюду обноситься. Подвизаше же ся сам с епископы, наказуя люди благочестию. И тако в людех ревность духовная преспеваше велми, и сиаше вера христианская яко солнце, и день от дне распространяшеся всюду правоверие. Истинный же благочестиа ревнитель блаженный Владимир, видя в дръжаве своей растущю и множущюся благодать Божию, и о сих по премногу радовашеся душою и сръцем, хваля и славя Бога. Нищих же и маломощных и всех требующих всюду всяческими потребамы и милостынею везде всегда нескудно издоволяше»²⁰. Вполне согласуется с основной направленностью Степенной книги и указание, что князь Владимир вместе с греческими епископами выступил в качестве миссионера.

В XVII в. историческая память о князе Владимире и его церковное почитание в России существенно ослабели. Это обстоятельство можно объяснить сменой династии. Если московские Рюриковичи, занимавшие царский престол в XVI в., были прямыми потомками князя Владимира, то новая династия Романовых, воцарившаяся в России в 1613 г., не имела к князю Владимиру и династии Рюриковичей прямого отношения. В Киеве же, который входил в состав Речи Посполитой, в первой половине XVII в. началось активное возрождение памяти о князе Владимире. Инициатором этого следует считать православного киевского митрополита Петра Могилу. Именно с его подачи было осуществлено обретение мощей князя Владимира в 1635 г. Знаменательно, что присылка частицы мощей в Москву не вызвала реакции, желаемой для пророссийски настроенных кругов Киева и прошла почти незамеченной²¹. В челобитной

²⁰ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 1. М., 2007. С. 298–299.

²¹ *Затилюк Я. В.* Київські посольства XVII ст. з «мощами» князя Володимира до Москви // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 15. К., 2015. С. 175–184. Весьма сдержанное отношение царя Михаила Федоровича к посольству Петра Могилы Б. Н. Флоря объясняет неблагоприятной для последнего политической конъюнктурой, см.: *Флоря Б. Н.* Киевский митрополит Петр (Могила) и русская власть: эволюция взаимоотношений // Вестник церковной истории. 2013. № 1/2 (29/30). С. 183–184. Однако не более успешной оказалась и вторая попытка использовать в переговорах с Москвой мощи князя Владимира – в 1658 г., см.: *Затилюк Я. В.* Київські посольства XVII ст. з «мощами» князя Володимира. С. 186–189.

от 29 октября 1640 г., поданной царю Алексею Михайловичу вместе с частицей мощей князя Владимира, Петр Могила называет князя Владимира прадедом московского царя: «Святой и царского твоего величества достойный дар пресветлого твоего царского величества святого ровоноапостолного российского великого князя и самодержца Владимира, во святом крещении Василия нареченного, прадеда всесветлого величества твоего, святых его мощей часть в Десятиной церкви Пречистой Богородицы киевской розоренной, мною в мраморном гробе, идеже древле положении быша, обретенных... усердно молю, от моего смирения приими»²². Наместник Киево-Печерского монастыря Игнатий (Старушич), который привез в Москву частицу мощей князя Владимира, в своей челобитной обратился к царю с просьбой послать царских мастеров в Киев «сделать раку на мощи прародителя своего святого и равноапостолного великого князя Владимира»²³. В дальнейшем киевские книжники неоднократно пытались представить князя Владимира как предка московских царей. Лазарь Баранович в изданной в Киеве в 1666 г. на средства царя Алексея Михайловича книге «Меч духовный» изобразил князя Владимира в основании генеалогического древа московских царей, а в сопроводительном тексте к гравюре пояснил, что имеет в виду, скорее, спиритуальную, чем реальную генеалогию: «Орел Вашего пресветлаго царскаго величества, в трех венцах летая по всем на воздухе, три имат древа, на них же почивает, младыи орлы его в венцах гнезятся, яко до царствия рожденныи. Избра себе сей орел древо, сажденно при исходящих вод крещения святаго, еже от благаго корене росскаго самодержца святаго равноапостолнаго князя Владимира прият. Аще корень свят, глаголет апостол, то и ветви»²⁴. Однако в версифицированном предисловии ко всей книге Лазарь Баранович все же декларировал генеалогическую преемственность между князем Владимиром и царем Алексеем Михайловичем:

Корень Владимир свят, от его рода
Свята есть, царю, вся ваша порода²⁵.

Очевидно, подобные демарши не получали одобрения со стороны московских властей. Во всяком случае, со временем в сочинениях киевских книжников все более утверждается идея не прямого генеалогического, а символического родства князя Владимира и московских царей из династии Романовых.

²² Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 3. СПб., 1861. С. 29.

²³ Там же. С. 44.

²⁴ Меч духовный. М., 1666. Л. 4.

²⁵ Там же.оборот титула.

В 1674 г. в типографии Киево-Печерского монастыря вышло первое опубликованное сочинение по русской истории – так называемый киевский Синописис. Составители этого исторического трактата представили древнерусскую историю в том пророссийском духе, в каком от них ожидали в Москве²⁶. В третьем издании Синописиса, увидевшем свет в Киеве в 1680 г., помещены вирши Ивана Армашенко, в которых царь Федор Алексеевич назван духовным потомком князя Владимира:

Российский роде, коль ты благородный!
Ное праотец, Афет отец родный
Твой по естеству, а Владимир в душе
Отродил тя есть о Христе Исусе²⁷.

Ниже в том же Синописисе царь Федор Алексеевич охарактеризован как происходящий «от добраго корене в благочестии первоначалнаго царя Киевскаго и всея России самодержца»²⁸.

В связи с почитанием в православной среде на украинских землях в XVII в. князя Владимира там появилась и своя версия легенды о Суздальском походе. Ее первый вариант встречаем в Густынской летописи, созданной в первой половине XVII в. на основе Ипатьевской и ряда общерусских летописей: «Пойде Володымер во землю Славенскую и страну Залескую, в Суждальстей области и в Ростовстей. И постави тамо над рекою Клязмою град, и нарече его первым своим именем Владимир, и созда церков Пресвятой Богородици соборную. Повеле же людей повсюду крестити и церкви ставити. Даде же им первого епископа Феодора. И оттуду пришед в Ростов и тамо

²⁶ В третьем издании Синописиса (1680) его пророссийская настроенность была еще более усилена, см., напр.: *Синкевич Н. А.* «Изобретение традиции»: агиографические и исторические нарративы православной Киевской митрополии // Нарративы руси конца XV – середины XVIII в.: в поисках своей истории. (= Post-Древняя Русь: у истоков наций Нового времени. Кн. 2) / отв. сост., отв. ред. серии А. В. Доронин. М., 2018. С. 267–268, 277–278. Однако и в первом издании Синописиса (1674) эта пророссийскость также присутствует.

²⁷ Синописис или краткое собрание от разных летописцев о начале славяно-росийского народа и первоначальных князех богоспасаемого града Киева, о житии святого благовернаго великаго князя Киевскаго и всея России первейшаго самодержца Владимира и о наследниках благочестивыя державы его Росийския, даже до пресветлаго и благочестиваго государя нашего царя и великаго князя Феодора Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца. К., 1680. С. 2; Українська поезія (кінець XVI – середина XVII ст.) / упоряд. В. П. Колосова, В. І. Крекотень, М. М. Сулима. К., 1992.

²⁸ Синописис. С. 195–196. См.: *Ричка В.* Лицар Духу: Володимир Великий в історії та пам'яті. К., 2015. С. 94.

раздружи идола Волоса, бога скотия (о нем же ищи в Житии преподобнаго Авраамия, ростовского чудотворца), и постави им епископа Фому. Потом же прииде во Великий Новгород и постави тамо архиепископа Иоакима Корьсунянина»²⁹. В Густынской летописи присутствуют имена трех епископов, сопровождавших князя Владимира в Суздальском походе. Они попали сюда разными путями. Затрудняемся определить, откуда составитель Густынской летописи взял ростовского епископа Фому. Имя суздальского епископа Феодора заимствовано (вероятно, через посредство Тверского сборника) из Жития Авраамия Ростовского, наполненного легендарными и недостоверными известиями. Новгородский же епископ Иоаким упоминается в Повести временных лет. Таким образом, в Густынской летописи рассказ о Суздальском походе пополнился новой подробностью – именами трех епископов, крестивших вместе с князем Владимиром Суздальскую землю.

В Синописе вариант Густынской летописи дополнен указанием, что князь Владимир не только основал город Владимир на Клязьме и крестил местных жителей, но и перенес из Киева во Владимир столицу Руси: «Посем Владимир святыи с присланными от святейшаго патриарха Цариградскаго Сергия трема епископы, Иоакимом, Феодором, и Фомою, пойде с Киева в страны Суждалския и Ростовския, и заложи тамо град над рекою Клязмою, и нарече его первым своим именем Владимир, в он же бе и престол свой царский с Киева пренесл, а от Владимира в Москву град пренесе князь Иван Данилович. Постави же тамо Владимир и церковь в имя Пресвятыя Богородица, и епископа Феодора остави»³⁰. Эта откровенная историческая фальсификация, как показал Ф. Батлер, появилась на основе текста Хроники Мацея Стрыйковского, где сказано, что решение креститься Владимир принял в основанном им городе Владимире, в который перенес столицу Руси³¹. А. И. Рогов указал на сочинение С. Герберштейна о России как на возможный источник такого прочтения Хроники Стрыйковского³². Действительно, Герберштейн писал о князе Владимире: «Он основал город между реками Волгой и Окой, который назвал по своему имени Владимиром и сделал его

²⁹ ПСРЛ. Т. 40. СПб., 2003. С. 45.

³⁰ Синописис. С. 77.

³¹ Butler F. *Enlightener of Rus. The Image of Vladimir Sviatoslavich across the Centuries*. P. 107. См.: Стрыйковский М. Літопис польський, литовський, жмудський і всієї Руси. Львів, 2011. С. 192.

³² Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника). М., 1966. С. 60.

столицей Руси»³³. Следует согласиться с Б. М. Клоссом, определившим источник этого известия Герберштейна как русскую летопись типа Ермолинской³⁴, где содержится рассказ о Суздальском походе, но ни слова не говорится о переносе князем Владимиром столицы. Получается, что ошибка Герберштейна была воспринята Стрыйковским, а от него перешла в Синописис Иннокентия Гизеля.

В XVII в. развитие сюжета о Суздальском походе и основании св. князем Владимиром города Владимира на Клязьме связано с деятельностью киевских книжников, которые пытались убедить царя и его окружение в ценности фигуры князя Владимира для России в целом и для династии Романовых в частности. Как неоднократно отмечали исследователи, удачными эти попытки назвать нельзя.

Для традиции XVIII в. характерно повышенное внимание к фигуре князя Владимира. Однако Киев в это время уже был в составе России, а потому сюжет о Суздальском походе князя Владимира утратил свою актуальность. Неслучайно русские историки XVIII в. отзывались весьма скептически относительно его достоверности. Так, В. Н. Татищев предположил, что поход состоялся не в Суздальскую, а в Волынскую землю, и князь Владимир основал тогда не Владимир на Клязьме, а Владимир-Волынский³⁵.

Постепенно вопрос о достоверности Суздальского похода князя Владимира стал достоянием местной истории. В 1766 г. архимандрит суздальского Васильевского монастыря обратился в Коллегию экономии с ходатайством о том, чтобы земельные владения монастыря не подвергались секуляризации. (В это время проходила реформа секуляризации церковного имущества и вместо земельных владений монастырям определялось государственное финансирование. Зачастую монастырские доходы от этого существенно страдали.) Настоятель суздальского монастыря всерьез полагал, что аргументом для сохранения за монастырем его земельных владе-

³³ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. 1. М., 2008. 58–61.

³⁴ Там же. Т. 2. С. 302.

³⁵ Татищев В. Н. История российская. Т. 2. М.; Л., 1962. С. 228, 234. Возвращаясь из своей сибирской экспедиции, Ж.-Н. Делиль проезжал 20 ноября 1740 г. через Владимир. Автор экспедиционного дневника Т. Кенигфельс записал, что город Владимир построен великим князем Владимиром, но вместо даты его основания оставил пробел (см.: Материалы Сибирской экспедиции академика Ж.-Н. Делиля в 1740 г.: Документы из архивохранилищ России и Франции. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2. СПб., 2017. С. 326, 448, 742). Совершенно очевидно, что такого рода информацию участники экспедиции могли получить от местного населения. Возможно, в данном случае Кенигфельсу сообщили обе версии основания города, и он затруднился в выборе одной из них или не считал это существенным.

ний может быть местное монастырское предание об основании Васильевского монастыря св. князем Владимиром во время его Суздальского похода³⁶.

В 1802 г. увидела свет книга владимирского чиновника И. Ф. Дмитриевского «О начале Владимира что на Клязьме, о пренесении в оной из Киева российской столицы и о бывших в оном великих князьях», рукопись которой была прислана в дар Александру I. Император высоко оценил труд первого владимирского краеведа, распорядился его опубликовать, а автора наградил бриллиантовым перстнем³⁷. Движимый местным патриотизмом, И. Ф. Дмитриевский утверждал достоверность рассказа о Суздальском походе и об основании Владимира на Клязьме крестителем Руси. Его доказательства сводились к перечислению разных версий описания Суздальского похода в летописях, Степенной книге и Синописе.

Во время войны с Наполеоном во Владимире оказался эвакуированный из Москвы итальянский художник Сальватор Тончи. Доведенный до нервного расстройства неприятностями военного времени, он воспринял пребывание во Владимире как чудесное спасение. В благодарность экзальтированный художник в 1813 г. написал большое полотно, изображающее крещение Руси князем Владимиром Святым³⁸. Оно долго висело в городском Успенском соборе, а в настоящее время хранится в фондах Владимиро-Суздальского музея-заповедника. В центре композиции – князь Владимир и два епископа, а внизу – принимающие крещение люди разного возраста, от стариков до детей. Очевидно, С. Тончи в своей картине объединил предания о крещении киевлян и Суздальской земли. Художник пользовался версией русских летописей и Степенной книги, а не Синописа, поскольку на картине изображено два епископа, а не три. Характерно, что желавший как-то отблагодарить жителей Владимира за гостеприимство итальянский художник, не знавший русского языка, выбрал именно этот сюжет. По всей видимости, Суздальский поход князя Владимира тогда, в начале XIX в., был темой для обсуждения в местном обществе и предметом гордости.

В течение XIX в. сюжет основания города Владимира князем Владимиром Святым был одним из самых популярных во владимирской

³⁶ Документ сохранился в копии XIX в. в составе историко-агиографического сборника, посвященного истории Суздаля, см.: РГБ. Ф. 79 (собр. А. В. Горского). Д. 52. Л. 4–5.

³⁷ Перстень был вложен И. Ф. Дмитриевским в качестве украшения к ризе местной иконы Богоматери, см.: *Доброхотов В.* Памятники древности во Владимире Кляземском. М., 1849. С. 72.

³⁸ *Искуль С. Н.* Война и мир в России 1812 года. СПб., 2015. С. 340, 341.

краеведческой литературе³⁹. В советское время официальной точкой зрения стало признание известий о Суздальском походе недостоверными. Основание Владимира исследователи единодушно относили к началу XII в., а основателем города считали киевского князя Владимира Мономаха.

В конце XX в. городская общественность Владимира подняла вопрос о праздновании 1000-летнего юбилея Владимира, имея в виду основание города в 990 г. В местной печати появились попытки доказать достоверность Суздальского похода (приведем в качестве примера доклад владимирского архиепископа Валентина (Мищука)⁴⁰), но научного и общественного резонанса они не имели. Правда, в 2007 г. во Владимире был-таки установлен памятник «основателю города» князю Владимиру Святославичу и епископу Феодору: литературным источником этого события следует считать версию Суздальского похода, изложенную в Синописе. Сегодня память о Суздальском походе князя Владимира Святого и основании им города Владимира на Клязьме жива разве что в досужей молве владимирцев. Даже в связи с установкой в последние годы памятников князю Владимиру как крестителю Руси (такой памятник в 2015 г. был установлен в т. ч. во Владимире, став вторым в этом городе памятником крестителю Руси) к истории о его Суздальском походе не обращались.

* * *

Итак, поход киевского князя Владимира Святославича, который якобы завершился крещением Суздальской земли и основанием города Владимира на Клязьме, по-видимому, был вымышлен в Москве в первом десятилетии XV в. Известие о походе князя Владимира в Словенскую землю, т. е. в район, заселенный новгородскими словенами, было нужно летописцу для подтверждения основания князем Владимиром города Владимира на Клязьме и крещения

³⁹ Федотов А. А. Известия о начале Владимира Залесского с кратким описанием истории сего города // Вестник Европы, 1827. № 1–3; Н. Д. Взгляд на достопримечательности Владимира. М., 1838; Бунин А. О времени основания города Владимира на Клязьме // Археологические известия и заметки, издаваемые Московским археологическим обществом. М., 1898. № 5–6; Ильинский П. Об основании города Владимира на Клязьме // Владимирские епархиальные ведомости. 1916. № 32–35.

⁴⁰ Валентин (Мищук), еп. Владимирский и Суздальский. Начало распространения христианства на Владимиро-Суздальской земле: Доклад, посвященный 1000-летию крещения Владимиро-Суздальской земли (990–1990) // К вопросу о дате основания г. Владимира. Владимир, 1992. С. 20–37.

местных жителей. На основании этого мифа Владимир Святой был поставлен у истоков государственности Северо-Восточной Руси. Однако в более поздних летописях Словенская земля как объект территориальных воцелений князя Владимира была сначала заменена на Смоленскую, а затем – на Суздальскую. В Никоновской летописи сообщение об основании Владимиром Святым Владимира на Клязьме было вложено в уста владимирского князя XII в. Андрея Боголюбского. Это известие в XVI–XVII вв. обросло новыми вымышленными подробностями. Наконец, в Синописе появилось совершенно не соответствующее историческим реалиям утверждение, будто князь Владимир перенес столицу из Киева в основанный им город Владимир на Клязьме. В XVIII в., когда Киев и другие земли бывшей юго-западной Руси уже были частью Российской империи, историки не относились всерьез к летописным рассказам о Суздальском походе. А миф об основании Владимира на Клязьме св. князем Владимиром окончательно стал достоянием исторической памяти исключительно местного масштаба.